

Памела Треверс

Мери Поппинс с Вишнёвой улицы

Глава 9

История Джона и Барбары

Джейн и Майкл ушли на день рождения. Они оделись во все самое нарядное. И Эллен, увидев их, воскликнула, что они "красавчики, прямо с витрины".

Весь день в доме было так тихо, точно дом о чем-то задумался или, может, задремал.

Внизу на кухне миссис Брилл, водрузив на нос очки, читала газеты, Робертсон Эй сидел в саду на скамейке и усердно предавался лени. Миссис Банкс устроилась на софе в гостиной, подложив под ноги подушечку. В комнате наверху Мэри Поппинс просушивала на каминной решетке одежду детей, а солнечные лучи лились в окно, расцвечивая стены, и плясали в кроватях, где лежали близнецы.

– Пожалуйста, сдвиньтесь немного. Вы светите мне в глаза, – сказал Джон громко.

– Прости, но это невозможно, – ответил один луч. – Нам ведь надо обещать всю комнату. Так заведено испокон веков. Мы движемся весь день с востока на запад, и эта комната как раз у нас на пути. Советую тебе замуриться, и я как бы исчезну.

Золотистый столп лучей наискось падал в комнату. Он двигался довольно быстро, вняв, без сомнения, просьбе Джона.

– Какие вы нежные и теплые. Я так вас люблю, – сказала Барбара, стараясь поймать в кулачок хотя бы один луч.

– Милая девочка, – ответили лучи и стали гладить ее щеки. – Тебе нравится, как мы ласкаем тебя? – видно, им приятно, когда их любят.

– Очень! – вздохнула с наслаждением Барбара.

– Слова! Слова! Слова! Я нигде не слышал столько слов, как в доме N 17 по Вишневой улице. В этой комнате всегда кто-то болтает, – проверещал в окне чей-то голос. Джон с Барбарой повернули головы. Это был Скворец, живший на верху дымоходной трубы.

– Нет, как вам это нравится! – быстро обернулась Мэри Поппинс. – Посмотрел бы на себя. День-деньской прыгаешь по крышам и проводам. И без умолку трещишь, чирикаешь, орешь. Ты своим гамом мертвого разбудишь! Воробы и те тише себя ведут.

Скворец склонил голову набок и глянул на нее одним глазом сверху оконной рамы.

– Ну и что? – ответил он. – У меня уйма дел: консультации, дискуссии, диспуты, переговоры. Вот целый день и нет языку покоя.

– Бедный язык, – съязвил Джон.

– А я, между прочим, молодой человек, не с вами разговариваю, – Скворец гордо потрянул крылышками и слетел на подоконник. – И уж, во всяком случае, не тебе это говорить. Кто в субботу чуть не весь день голосил?

– Но я же не болтал языком, – смутился Джон. – У меня животик болел.

– Знаем, как болел! – Скворец с подоконника перелетел на шпатель кроватки, где лежала Барбара, и сказал тихим, вкрадчивым голосом:

– Есть сегодня что-нибудь вкусненькое для скворушки, Барбара?

Барбара села, держась за кроватку.

– Вот тебе половинка овсяного печенья, – протянула она в кулачке угощение.

Скворец мгновенно вспорхнул с кровати, схватил кусочек печенья, вернулся на подоконник и стал быстро-быстро клевать.

– А где твое спасибо? – укорила Скворца Мэри Поппинс, но печенье было такое вкусное, что Скворец никого и ничего не слышал. – А спасибо где? – громче повторила Мэри Поппинс.

– Что такое? Ах, дорогуша, занимайтесь своим делом. У меня нет времени на всякие церемонии. – И он склюнул последнюю крошку.

В комнате воцарилась тишина. Джон, нежась в солнечных лучах, схватил свою голенькую ножку, сунул пальцы в рот, где уже белел первый зубик, и стал водить ими по губам.

– Что с тобой? Зачем это? – засмеялась Барбара. – Сейчас тобой никто не любит.

– Знаю, – ответил Джон, ведя ножкой по губам, точно играл на губной гармошке, – но надо практиковаться. Взрослые от этого балдеют. Ты обратила внимание, тетушка Флосси увидела вчера этот фокус и чуть с ума не сошла. Столько глупостей наговорила – я и птенчик, и умничка, и золотце – словом, седьмое чудо света. Слыхала что-нибудь подобное? – Джон выпустил изо рта ножку и захохотал, вспомнив тетушку Флосси.

– Мои штучки ей тоже нравятся, – без тени хвастовства заметила Барбара. – Я начну снимать и надевать пинетки, а она мне – ты такая сладенькая, я тебя сейчас съем, смешно, да? Если я говорю, что съем, значит, и правда съем, например, яблоко или печенье. А у взрослых ничего не поймешь. Говорят одно – делают другое. Как ты думаешь, она понарошку хочет меня съесть?

– Конечно, понарошку. Это они так шутят. Мне никогда не понять взрослых. Они все-таки очень глупые. Даже и Джейн с Майклом не всегда умными назовешь.

– Да, – согласилась Барбара, сосредоточенно стаскивая пинетки.

– Например, они никогда не понимают, о чем мы говорим. Но самое страшное, они вообще не понимают ничей язык. Я сам слышал, как Джейн сказала: вот бы понять, что говорит ветер.

– И я удивляюсь на Майкла. Только и слышишь: "Ах, как поет скворец – ти-ви, ти-ви!" Да разве скворец поет? Он просто говорит, как мы с тобой.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А уж от мамы с папой, конечно, и ожидать нечего. Они просто ничегошеньки не понимают. Но Джейн с Майклом, кажется, должны бы понимать...

– А они раньше и понимали, – вмешалась Мэри Поппинс, складывая стопкой ночные сорочки Джейн.

– Что? – воскликнули близнецы. – Понимали язык скворца и ветра?

– Да, и язык деревьев, солнечных лучей, звезд.

– Но как они могли разучиться? – Джон наморщил лобик, силясь постичь причину такого несчастья.

– Ты хочешь знать? – проверещал Скворец таким тоном, точно хотел сказать: а я знаю, как.

– Выросли и забыли, – объяснила Мэри Поппинс. – Барбара, надень, пожалуйста, пинетки.

– Глупая причина, – сказал Джон, сердито на нее глядя.

– Может, и глупая, но это факт, – Мэри Поппинс нагнулась к Барбаре и крепко-накрепко завязала пинетки.

– А Джейн с Майклом и правда глупые, – продолжал Джон. – Вот я вырасту и ни за что не забуду.

– И я тоже, – Барбара сунула палец в рот и стала, причмокивая, сосать.

– Забудете, – отрезала Мэри Поппинс.

Близнецы сели в постельках и уставились на нее.

– Ха! – презрительно воскликнул Скворец. – Вы только взгляните на них! Ишь, вундеркинды выискались! Бывают, конечно, чудеса. Но на этот раз никакого чуда не будет. Вы тоже все забудете, как Джейн с Майклом.

– Никогда! – воскликнули близнецы в один голос и взглянули на Скворца так, словно хотели его убить: очень он их расстроил.

– А я говорю, что забудете, – рассмеялся Скворец. – Впрочем, вы в этом не виноваты, – прибавил он, смягчившись. – Забудете, потому что выбора у вас нет. Не было еще на свете человека, который не забыл бы язык вещей и животных. Не считая, конечно, ее. – И Скворец кивнул через крыло на Мэри Поппинс.

– А почему она помнит, а мы забудем? – спросил Джон.

– Ишь, что захотели! Она не такая, как все. Она – Великое исключение.

Вам с ней не равняться, – усмехнулся Скворец.

Огорченные дети замолчали.

– Видите ли, – продолжал Скворец. – Она совсем особенная. Я говорю не о внешности. Мои птенцы, им хоть от роду один день, и то красивее.

– Какая наглость! – возмутилась Мэри Поппинс и замахала на Скворца фартуком. Но Скворец вспорхнул на верх рамы, прыгнул на карниз и, оказавшись в недосягаемости, пронзительно засвистал.

– Опять не поймала! Небось, уже думала, я у тебя в руках! – И Скворец презрительно затряс крыльями.

Мэри Поппинс в ответ только фыркнула.

Солнечный столп продолжал скользить по комнате, волоча за собой золотистый шлейф. За окном подул легкий ветер и стал нежно шептаться с вишнями на улице.

– Слышите, что говорит ветер? – спросил Джон, склонив набок голову. –

Неужели правда, миссис Поппинс, что мы вырастем и не будем слышать, что говорят ветер, лучи, деревья?

– Слышать, конечно, будете, – ответила Мэри Поппинс. – Но понимать – нет.

Барбару как будто ударили, и она тихонько заплакала. И у Джона на глаза навернулись слезы.

– Это непоправимо. Так устроен мир, – взывала к их разуму Мэри Поппинс.

– Взгляните на них! Нет, вы только взгляните! – насмешничал Скворец.

– Ревут белугой! Да у моих едва вылупившихся птенцов мозгов и то больше.

А Джон и Барбара, лежа в своих уютных постельках, плакали навзрыд, такими они чувствовали себя несчастными. Вдруг отворилась дверь и вошла миссис Банкс.

– Мне послышалось, что дети плачут? – сказала она и подбежала к кроваткам.

– Что случилось, мои маленькие? Мои солнышки, мои птички? Почему они так горько плачут, Мэри Поппинс? Весь день они были такие хорошие, не слышно было ни звука. Что тут произошло?

– Да, мадам. Нет, мадам. Конечно, мадам. Это, наверное, зубки, мадам,

– говорила Мэри Поппинс, стараясь не глядеть на Скворца.

– Ну конечно, зубки, – поспешила согласиться миссис Банкс.

– Мне не надо никаких зубов. Я забуду из-за них все самое важное, – голосил Джон, катаясь по кровати.

– И я тоже, – рыдала Барбара, уткнувшись в подушку.

– Бедненькие мои, славненькие. Все, все будет хорошо. Вот только вырастут эти гадкие зубки, – успокаивала близнецов миссис Банкс, бегая от одной кровати к другой.

– Ты ничего не понимаешь! – еще сильнее вопил Джон. – Мне не нужны твои зубки!

– Никогда, никогда ничего хорошего не будет, – плакала в подушку Барбара.

– Да, да, все будет хорошо. Мапочка жалеет, мапочка любит своих деток, – нежно ворковала миссис Банкс.

За окном послышался легкий писк. Это хихикнул Скворец, но поперхнулся, перехватив грозный взгляд Мэри Поппинс. И уже больше не позволил себе даже улыбнуться, наблюдая происходящее в комнате.

Миссис Банкс ласково гладила близнецов – то одного, то другого, шептала слова, способные, как она думала, утешить даже в самом большом горе.

И Джон вдруг перестал плакать. Он был уже воспитанный мальчик, любил мамочку и помнил, чем он ей обязан. Не ее вина, что она, бедняжка, всегда говорит не то, что надо. И все потому, что не понимает их. И Джон простил свою маму – лег на спину, всхлипнул, взял ножку и сунул пальчики в рот.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ах ты умница! Ну что у нас за умный мальчик! – восхитилась мама. Джон стал водить пальчиками по губам, как будто играл на губной гармошке, и миссис Банкс расцеловала его.

Тогда и Барбара – пусть и ее похвалят – оторвала от подушки мокрое личико и двумя ручками сняла сразу обе пинетки.

– Ах ты мое сокровище! – воскликнула с восторгом миссис Банкс, осыпая дочь поцелуями.

– Вот видите, Мэри Поппинс. Вот дети и замолчали. Я всегда их успокою. Все, все хорошо, – сказала миссис Банкс, точно пропела строчку колыбельной. – И зубки все вырастут, – прибавила она.

– Да, мадам, – вежливо ответила Мэри Поппинс.

Миссис Банкс улыбнулась близнецам, вышла из комнаты и тихонько притворила дверь.

В тот же миг Скворец разразился гомерическим хохотом.

– Простите, ради Бога, мою неучтивость! – воскликнул он сквозь смех.

– Но я правда, правда не могу удержаться. Какая сцена! Боже, какая сцена!

Джон не обратил на него никакого внимания. Он просунул сквозь прутья кровати голову и сказал Барбаре тихим, идущим от сердца голосом:

– Я ни за что не буду таким, как другие взрослые. Ни за что! – он кивнул головой в сторону Скворца. – Пусть они с Мэри Поппинс говорят, что хотят. Я никогда не забуду их язык.

Мэри Поппинс ничего не сказала, только улыбнулась загадочной, понимающей улыбкой.

– И я не забуду, – сказала Барбара. – Никогда!

– Пет, вы только послушайте их, сохрани, Господи, мои маховые перья, – просвистел за окном Скворец, прижал крылья к бокам и опять давай смеяться. – Как будто это от них зависит! Вот умора! Еще месяц–два, ну от силы три, и они забудут даже, как меня звать, глупые кукушонки. Глупые, желторотые, бесперые кукушонки. Ха! Ха! Ха! – И Скворец расправил свои крапчатые крылья и улетел...

Прошло немного времени, у близнецов появились зубки, как тому положено, и весь дом отпраздновал их первый день рождения.

На утро после торжества Скворец, только вернувшийся в дом N 17 по Вишневой улице с далеких Бермуд, сел по обыкновению на подоконник.

– Привет! Привет! Привет! Вот мы и вернулись, – весело насвистывал он. – Ну как вы, дорогуша? – не очень почтительно обратился он к Мэри Поппинс, склонив голову набок и глядя на нее ясным, блестящим глазом.

– В вашем приветствии никто не нуждается, – вскинула голову Мэри Поппинс.

– Узнаю старушку. Ни капельки не изменилась! А как наши кукушонки? – Скворец взглянул на постельку Барбары. – Ну, Барбарина, есть ли сегодня что–нибудь вкусненькое для скворушки?

– Ба–ля, ба–ля, ба–ля, – пролепетала Барбара, уписывая овсяное печенье.

Скворец, слегка удивившись, прыгнул на шишечку кровати.

– Я спрашиваю, – отчетливо произнес он, – есть ли что–нибудь вкусненькое для скворушки?

– Бу–лю, бу–лю, бу–лю, – пролепетала Барбара, глянула на потолок и проглотила последнюю крошку.

Скворец уставился на нее блестящими глазками.

– Ха! – вдруг воскликнул он и вопросительно взглянул на Мэри Поппинс. Она ответила ему долгим говорящим взглядом.

Скворец порхнул на кровать Джона. Джон крепко прижимал к себе белую кудрявую овечку.

– Как меня зовут? Как меня зовут? Как меня зовут? – пронзительно закричал Скворец, чувствуя какое–то беспокойство.

– Бе–бе–бе, – сказал Джон, открыл рот и ухватил зубками ногу овечки. Тряхнув головой, Скворец отвернулся.

– Значит, свершилось, – тихо сказал он Мэри Поппинс.

Она кивнула.

Скворец какой–то миг удрученно глядел на близнецов. Потом пожал крыльями в крапинках.

– Ну что ж. Я ведь знал, что так будет. И всегда говорил им это. А они не верили. – Он немного помолчал, глядя на кровати. И вдруг резко встряхнулся.

– Да–а, надо скорее лететь домой. К себе на трубу. Пора приниматься за весеннюю уборку. – Он перелетел с кровати на подоконник и обернулся.

– А скучно будет без них. Я любил поболтать с ними. Мне будет их не хватать.

И он смахнул что–то крылом с глаз.

– Плачешь? – усмехнулась Мэри Поппинс.

Скворец сразу взял себя в руки.

– Плачу? Да нет. У меня... э–э... легкая простуда. Продуло на обратном пути. Ничего серьезного.

Он выпорхнул в окно, сел на карниз, почистил клювом перышки.

– Прощайте! – весело просвистел он, расправил крылья и улетел...

[Далее...](#)